

Дарья Некрасова

ГУМАНИТАРИЙ – НЕ ПОРОК

12+

Некрасова Алексеевна Дарья Гуманитарий – не порок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38978208

SelfPub; 2018

Аннотация

У 14-летнего Яна Цокарева есть заветная мечта – успешно сдать экзамен по химии и поступить в лицей, но вот незадача: этот предмет ему не дается. А родители, вместо того чтобы поддержать, все внимание уделяют младшему брату, талантливому шахматисту. Все меняется, когда Ян вместе с классом проходит медосмотр в поликлинике. Порок сердца – страшный диагноз... или шанс, подаренный судьбой? Мигом повзрослевший, Ян смотрит на мир новыми глазами. Оказывается, родители не такие уж и злодеи, а брат не такой уж и зануда. И с помощью шахмат – да-да, обыкновенных шахмат! – можно найти ответ на вопрос: «Как побороть тяжелую болезнь?»

Содержание

ГУМАНИТАРИЙ – НЕ ПОРОК	4
Глава первая	4
Глава вторая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	24

ГУМАНИТАРИЙ – НЕ ПОРОК

Глава первая

– Ян, валентность у кислорода всегда два..., – Татьяна Викторовна тяжело вздохнула и откинулась на стуле, глядя куда-то в потолок.

Я тоже вздохнул, но тихо-тихо, чтобы она не услышала, и написал над буквой «О» двойку с минусом.

Буква «О» – это, вообще-то, химический элемент, а двойка с минусом – степень окисления, но мой мозг напрочь отказывается называть вещи своими именами. Сам я очень хочу запомнить все эти формулы и термины, и поступить в лицей на естественнонаучный профиль, и сдать ЕГЭ на сто баллов, и прославиться как ученый. Но способностей к химии у меня нет и не было. Ну вот совсем! К биологии – да, а к химии... Понял я это совсем недавно: после того, как мама с серьезным лицом посоветовала мне поступать в колледж. «Ян, ну какой из тебя химик!» – сказала она. Я тогда принес из школы тройку за контрольную, и это после нескольких месяцев занятий с Татьяной Викторовной!

Татьяна Викторовна, добрая, но строгая старушка с тросточкой, занимается со мной трижды в неделю. По три часа.

И все без толку. Валентность у кислорода два – я об этом постоянно забываю. И про кислоты тоже забываю. И про оксиды.

«У тебя в одно ухо влетает, в другое вылетает» – об этом мне только ленивый не сказал. Ну а что поделать, если память дырявая? «Зубрить!» – настаивает папа, но зубрежка – дело скучное и бесполезное. Предмет надо понимать, а не заучивать. В русском я разбираюсь – врожденная грамотность, все дела. А вот химия никак не поддается, хоть ты тресни!

– Я знаю, что валентность два! Но путаюсь. У меня в голове все в кашу, когда эти реакции вижу...

Я был готов порвать эту чертову тетрадку и выкинуть, и навсегда про нее забыть. Но, как назло, неприятные воспоминания въедаются в мой мозг намертво. Зато знания и на день не задерживаются. Несправедливо!

– Ты решаешь тесты дома? – вяло спросила Татьяна Викторовна.

Все полгода занятий она подбадривала меня как могла, говорила, что все получится – надо лишь постараться. Но сегодня ее терпение кончилось. Я видел это. По глазам. В них ничего не было, кроме усталости и раздражения.

– Да. По часу каждый день, – тихо ответил я.

Я не врал. Я правда решал. Но неправильно, сколько бы ни пытался.

– Скоро зима, а мы все еще проходим химические свойства. Я же тебе объясняла, Ян! – Татьяна Викторовна забрала

у меня ручку и принялась писать в тетради реакцию. – Литий прореагировал с кислородом. Получился оксид лития. Реакция соединения. Расставляем степени окисления, уравниваем. Ну что здесь сложного?! Ты ведь решал в начале года. А теперь и это забыл!

– Мне сложно. Я путаюсь, говорю же!

Мне было так стыдно и неловко, что я даже не мог посмотреть Татьяне Викторовне в глаза. Просто пялился в тетрадь, на дурацкую реакцию соединения. Оксид лития – с ним все ясно. Но зачем эти коэффициенты? И почему Li_2O , а не LiO ?

– Может, тебе поступить в гуманитарный класс? – спросила Татьяна Викторовна.

Она задала этот вопрос осторожно, ласково, но мое сердце все равно екнуло: и репетитор туда же! Все почему-то считают, что раз у меня есть способности к русскому, надо от этого и плясать: готовиться к поступлению на журфак или на филологический. А то, что к науке тянет – это так, мелочи. Ну да, я гуманитарий, а не технарь. И что же, от мечты теперь отказываться?

– Нет. Мне не нравится литература, – буркнул я.

– Но с русским у тебя хорошо выходит.

– Русский я тоже не люблю, – я посмотрел на настенные часы. – Уже без пяти восемь.

Занятие закончилось. Сейчас за мной приедут родители и в сто-пятисотый раз спросят: «Как химия?». И я в сто-пятисотый раз отвечу: «Нормально». И мама с папой, конечно

же, не поверят – ну как по химии может быть «нормально», если я все контрольные заваливаю?

– Ты подумай насчет моих слов, – сказала Татьяна Викторовна, выпроваживая меня в подъезд. – У тебя способности к гуманитарным наукам!

И она потрепала меня по волосам, словно я был малолеткой.

Я ответил, что подумаю, но это было вранье – я уже давно все решил. И меня не переубедить.

Когда я вышел на улицу, машины родителей еще не было. «Опаздывают, значит. Или папу на работе задержали, или на дорогах пробки», – я сразу понял, в чем причина, и уткнулся в телефон: хотел поболтать с друзьями, пока жду. Но на улице было невыносимо холодно.

Я надел капюшон и сунул руки в карманы, чтобы не замерзнуть. Ноябрь выдался холодным. Прошлой ночью снега намело на целые сугробы. Будто зима пришла. Но нет, до нее еще целых три недели. И три недели до отъезда Вани в Москву на чемпионат по шахматам.

Когда к дому Татьяны Викторовны наконец-то подъехал красный Hyundai, я увидел, что вместе с родителями в салоне сидит мой младший брат – Ваня. Да-да, который едет на чемпионат.

Для мамы с папой Ваня – гениальный шахматист, а для меня самовлюблённый выскочка с дурацкой шапкой на башке. Ваня очень любит свою разноцветную шапку с помпоном,

хотя ему уже тринадцать. И задирать меня ему тоже чертовски нравится.

– Как дела с химией? По нулям? – подколол он, едва я сел в машину.

– Заткнись!

– А я первое место на городской олимпиаде занял, – похвастался Ваня. – Мам, дай сюда грамоту!

– Давай дома? Не помню уже, куда положила, – ответила мама.

У нее на коленях стояло несколько больших пакетов с продуктами. Теперь понятно, почему они с папой опоздали: закупились в супермаркете на следующую неделю – сегодня же четверг.

– Хорошо позанимались, Ян? – без особого интереса спросил папа.

– Нормально, – пожал плечами я.

Зачем задавать вопрос, если знаешь ответ? Из вежливости? Ерунда какая.

– Опять возились с валентностями? – догадался Ваня.

– Так говоришь, будто это легко. Посмотрю я на тебя в восьмом классе!

– Я-то справлюсь, не волнуйся. Я ж не тупой, как ты.

Я еле удержался, чтобы не отвесить Ване подзатыльник. Совсем зазвездился! А все из-за этих шахмат. Ну, занимает он первые места по городу, и что? Как шахматы ему в жизни помогут? Будут потом пылиться в дедушкином шкафу, вме-

сте с медалями и грамотами. Универсам от них ни тепло, ни холодно. И работодателям тоже. Зато ученые всем нужны. Так что, кто тут тупой, еще вопрос.

– Встречают по одежке, а провожают по уму, – парировал я. – А ты все в этой шапке разгуливаешь!

– Бабушка подарила, вот и ношу!

Я усмехнулся про себя: все-таки Ваня еще ребенок. Не понимает, что носить такие шапки – немодно, девчонки не клюнут. И вообще, он слишком цепляется за вещи. За шапку бабушкину, за свои детские игрушки, за старый семейный фотоальбом. Пора бы уже повзрослеть.

– Да над тобой за глаза все в школе смеются, – сознался я. – И мелкие, и старшекласники.

Я сказал правду: над Ваней смеются. Хихикают по углам, когда он проходит мимо. И я хихикаю – ну умора же!

– Ян, отстань от брата, – встряла в спор мама.

Вечно она за него заступается. А все потому, что Ваня «младшенький». Хотя он первый начал.

– Ну смеются, и что? Будто мне до них дело есть, – пробубнил Ваня и уставился в окно.

До самого дома мы не разговаривали. Я и дальше бы молчал – на Ваню мне до лампочки. Но Ваня попросил прощения. Сам. Первый. В своей манере, разумеется, но я все равно удивился.

– Я ведь прикалывался насчет химии. У меня просто настроение хорошее. Я всегда чушь несу, когда веселый, – ска-

зал он.

Мы только-только сели за уроки. Заперлись в комнате, чтобы родители не мешали своими скучными вопросами, вроде: «Как день прошел? Как школа?» и занялись информатикой. Которую Ваня понимал, а я нет.

На самом-то деле, Ване задали только английский, но у меня не получалось создать сайт. Пришлось впрячь брата. Тот задаром не согласился – потребовал плитку шоколада. Деваться было некуда, и я купил. Еще утром. И теперь Ваня раздражающе чавкал над ухом, вслепую тыча по клавиатуре. А я сидел рядом и наблюдал, как пустая страничка в браузере постепенно превращается в сайт. С кучей ссылок, картинок и даже музыкой. Учительница точно пятерку поставит! Если Ванька не начнет халтурить. А он может. Поэтому я ответил:

– Да знаю, что прикалывался. Не обижаюсь.

Я обижался и еще как. Но был готов потерпеть. Ради пятерки. А то у меня за четверть оценка спорная...

– И все-таки, как у тебя с химией? До экзамена всего полгода, – спросил Ваня.

– Нормально, сказал ведь уже, – огрызнулся я.

Хорошо, что в этот момент Ваня пялился в монитор – меня аж перекосило от злости. Нет, ну правда – сколько можно приставать ко мне с химией?

– Ладно, верю, – в голосе Вани тоже промелькнула злость. Сейчас опять поссоримся!

– Вы с классом тоже завтра в поликлинику? – я резко сме-

нил тему, чтобы напряжение, повисшее в воздухе, не обрушилось на наши головы.

– Угу. Нам сказали, после врачей можно в школу не возвращаться. Так что мы с Верой гулять пойдем.

– С Авдеевой?

– А с какой еще?

Я скривился: опять эта Авдеева! Сто процентов Ваня ее в гости притащит. И они будут триндеть до позднего вечера на заумные темы. И прихлебывать чай. И то, и другое бесит до трясучки – после шести уроков банальной тишины хочется. Но Ваня упертый как баран: захочет привести Авдееву – приведет. «Комната общая, а не твоя!».

– Долго еще сайт делать? – спросил я, зевая.

Меня уже клонило в сон. Но поликлиника, как назло, после урока информатики. Так что домашку надо принести.

– Полчаса примерно. Ты-то ложись. Один фиг не помогаешь, – ответил Ваня. – Я сам на флэшку перекину.

Я возражать не стал. Выпил кружку кефира, чтобы лучше спалось, почистил зубы, разделся и лег в кровать. Сбор портфеля решил оставить на утро – глаза слипались, а тело уже отказывалось подчиняться.

Ваня клевал носом, но спать не шел – честно выполнял свою часть сделки. А ведь ему еще сочинение по английскому писать...

«Хорошо, что завтра в поликлинику. Отпустят пораньше. А потом выходные», – подумал я, и это была моя последняя

адекватная мысль за вечер. Дальше мозг начал показывать странные, но забавные «сюжеты»: лилипутов, скачущих на конях по дороге из шоколада; папуасов, пляшущих вокруг компьютера, и прочий бред.

Все было таким цветастым, быстрым и... непонятным. Кто-то за кем-то бежит, кто-то от кого-то убегает. Вопли вперемешку со смехом. Люди, животные, монстры. Попробуй запомни!

Я не запомнил. Вернее, запомнил, но очень мало – список с именами. Ага, мне еще и какой-то список приснился. А остальные сны из головы вылетели, когда над ухом завизжал будильник.

Проснувшись, я первым делом полез в интернет – посмотреть, к чему снятся списки. Открыл наугад ссылку, нашел значение «список имен» и с замиранием сердца прочитал:

«К известию о смерти».

Глава вторая

Я не очень-то верю сонникам: много в них чуши понаписано, которая не сбывается. Но настроение у меня испортилось. Еще бы – когда тебе с раннего утра известие о смерти пророчат, это не хухры-мухры!

Обычно за завтраком я болтаю с родителями и с Ваней, и прошу у мамы добавки, и шучу, и смеюсь на всю кухню. Потому что утро в нашей семье всегда доброе: горячая еда и никаких ссор. У Авдеевой наверняка по-другому – ее папа, когда в школу приходит, так орет, что стены сотрясаются. Бешеный какой-то! Верка, видимо, в отца пошла – она тоже бешеная: когда старшеклассник ее по лбу щелкнул, она в него портфелем запустила. Он-то ее несильно, а она со всей дури. Сумасшедшая!

Но сегодняшнее утро выдалось особенным. Придя на кухню, я четко дал понять, что встал не с той ноги.

– А я уже хотела вас будить. Вам какие бутерброды сделать – с сыром или с колбасой? – ласково спросила мама у меня и Вани.

– И с тем, и с тем, – бодро ответил Ваня, которому, похоже, приснилось что-то очень хорошее: он выглядел счастливым. В отличие от меня.

– Ты каждый день такая радостная. Другие мамы вечно

уоставшие, на детей срываются. А ты нет, – заметил я, усаживаясь за стол.

– Разве это плохо? – удивилась мама. – Вань, тебе чай?

– Какао, – Ваня сел рядом со мной и ткнул в плечо. – Ты чего такой хмурый?

Я не ответил, потому что следил за мамой, которая делала Ване завтрак. Она уже приготовила белую тарелку в синий горошек, чтобы положить на нее бутерброды. Ваня эту тарелку обожает. Как и оранжевую кружку. Ее мама тоже заботливо достала из шкафчика. А про меня забыла. Даже не спросила, что буду – чай или какао.

– А как же я? Мама! – окликнул я ее.

Мама повернулась ко мне с немым вопросом на лице. И Ваня тоже. Будто я сказал какую-то грубость. Но нет, я не хотел грубить – мне действительно было интересно, почему мама про меня забыла.

– Ты же не пьешь какао, – сказала она.

– А может, сегодня захотел? – возразил я. – А еще ты достала Ване его любимую посуду.

– Тебе ж пофиг, какая чашка и какая тарелка, – встрял Ваня. – Сам говорил.

– И почему ты повышаешь на меня голос? – строго спросила мама. – Хорошо, что отец на работу уехал и не слышал.

– Да у него вечные перепады настроения. Четырнадцать лет, а ведешь себя как идиот, – добавил Ваня.

Я закатил глаза: ну начинается! Снова Ян во всем вино-

ват! И правда, хорошо, что отца нет, иначе бы втроем накиннулись. Стервятники в человеческом облике. Уже и спросить ничего нельзя.

– Я не буду завтракать! – таково было мое последнее решение.

Я вышел из кухни с гордо поднятой головой. И, по-быстрому одевшись, отправился в школу. Ни мама, ни Ваня меня удерживать не стали. Мама просто промолчала, а Ваня сказал: «Ну и до свидания!». Да еще так въедливо, что я пообещал сам себе: «Ни за что не пущу Авдееву в нашу комнату. Пусть Ваня ее по дворам и паркам выгуливает».

А после первого урока папа прислала мне SMS, что дома меня ждет серьезный разговор.

На информатике я заработал аж две оценки. Пятерку – за сайт, над которым всю ночь пыхтел Ваня. Не зря пыхтел: учительница похвалила меня перед всем классом. «Можно на конкурс отсылать!» – сказала она. В самом начале урока, когда домашку проверяли. А в конце вlepила двойку за то, что не слушал.

Пока она объясняла материал, я решал задачки по химии. В тетрадке по информатике. И когда учительница задала мне вопрос по теме, я ничего ответить не смог. И тетрадку не по-

казал, когда попросили. В общем, не зря Ваня сайт на пятерку сделал – четверка бы двойку не перекрыла. А ведь я хотел, чтобы сайт был «средненький», иначе слишком подозрительно. Но Ваня меня переубедил. И оказался прав. В очередной раз.

После второго урока (а вторым уроком как раз была информатика) мы с классом спустились в фойе, где уже собралась мелкота – седьмые классы. Учителя, которые должны были сопровождать всех до поликлиники, еще не подошли.

Среди толпы я быстро заметил Ваню. Из-за его шапки. И Авдееву – она стояла рядом с ним. Дылда такая, выше некоторых парней. И с брекетами. Замухрышка. Типичная девчонка-отличница. Только вот Авдеева отличницей не была. У нее, по слухам, десять троек за первую четверть вышло. Короче, ни ума, ни внешности. А Ваня с ней дружит. Чем-чем, а хорошим вкусом его природа обделила. Ни одеваться, ни девчонок выбирать не умеет.

Ваня тоже меня заметил. Помахал мне рукой, будто мы и не ссорились. И я помахал в ответ. И подошел к нему. И поздоровался с ним и с Верой. Потому что не хотел быть одиночкой. Меня в классе недолюбливают. Вспоминают только во время проверочных по русскому. Зато Ваня многим нравится. Таким же чудикам, как и он сам. А нормальные ребята над ним подтрунивают. Но лучше в компании чудиков, чем одному.

– И тебе привет, Ян, – холодно сказала Авдеева.

В своем мятом коричневом сарафане она казалась такой недотепой! Он ее полнил, сарафан этот. Другие девочки носят аккуратные синие жилетки и юбки, а Авдеева вечно шагает в чем попало. И заплетает волосы в обычную косу. Хотя волосы у нее красивые. Темные, густые. Единственный плюс. Ну, еще глаза ничего – зеленые. Я люблю этот цвет.

– За сайт пятерку поставили? – спросил Ваня.

– Ага. А за работу на уроке двойку, – пожаловался я.

– Почему?

Я решил не увиливать и честно ответил:

– Химию делал. Задачи.

– Задачи? – оживилась Авдеева. – Попросил бы меня, я бы объяснила.

Авдеева увлекается химией. Знает программу восьмого класса, хотя учится в седьмом. Об этом мне рассказал Ваня. Не просто так рассказал, а с посылом: «Пусть Вера тебе поможет». Я отказался. Сидеть за одним столом с зазнайкой-Авдеевой? Вот еще!

– Не надо. Я с репетитором занимаюсь, – ответил я.

– И на уроках информатики. Молодец, что сказать, – иронично произнес Ваня. – Я думал, ты папу пятеркой задобиришь. Но если у тебя еще и двойка, ругани не избежать.

Я нахмурился, посмотрел на Авдееву, потом снова на Ваню и чуть приподнял одну бровь: «Какого черта?». На что Ваня невозмутимо сказал:

– У меня от Веры секретов нет.

Секретов у него нет! Правильно Ваню родители болтуном называют. Они в шутку, по-доброму: Ваня любит трепаться о всякой ерунде. Но знали бы мама с папой, что он семейные дразги на публику выносит, ему бы ой как не поздоровилось!

– А у меня есть. То, что я разозлился утром, это мой секрет – не твой. Чужие тайны раскрывать нельзя, – покраснел я.

У всех братья как братья. Если старше на несколько лет – не лезут, своих забот полно. Если младше – лезут, но можно прикрикнуть, чтоб отстали. А когда разница в возрасте всего год (одиннадцать месяцев, если быть точнее), это кошмар. Ваня – кошмар. Ни наорать на него, ни подзатыльник отвесить. Иначе в ответ прилетит.

– Ваня сказал только, что вы поссорились. И все, – вступилась за Ваню Авдеева.

– Мы не ссорились. Но теперь, наверное, поссоримся. Если Ваня не извинится.

– Лучше ты извинись перед мамой. Фигни ей всякой наговорил, и нормально, да?

– Знаешь, катись-ка ты со своей Авдеевой...

Я грубо оттолкнул Ваню в сторону. Тот не устоял на ногах и упал на группу девчонок-семиклашек. Те завизжали, а мне стало смешно. Хотя Ване, скорее всего, было больно.

«Ну и пускай, сам напросился. Не жалко, – подумал я. – Язык-помело».

Облупленные бледно-желтые стены и грязный кафель. Скамейки, на которых кучкуются плачущие дети и их несчастные родственники – мамы, бабушки, папы. Мигающие лампочки над дверями, длинная очередь в регистратуру. И вездесущий вопрос: «Кто последний?».

Я уже и забыл, как ненавижу поликлиники. Всю эту суматоху и заразных сопляков. И поиски карточки. Врачи всегда требуют карточку. А ее нет. Ни в регистратуре, ни у педиатра – нигде! А потом, спустя неделю, выясняется, что ее стащил окулист. Или хирург. Или дерматолог. Короче тот, к кому ты точно не ходил и идти не собирался.

В этот раз все было так же – у половины учеников потерялись карточки. У меня тоже. Но ее быстро нашли. У кардиолога, которого я никогда не посещал: зачем посещать, если жалоб нет? Только ради прогула уроков. Сегодня как раз был такой день – диспансеризация.

Мне повезло: ждать в очереди не пришлось. Меня вызвали первым. Пока я гадал, куда делать карточка, из кабинета высунулся врач и прокричал: «Цокарев!». И одноклассники зашумели: «Какой из?». «Цокарев Ян Алексеевич!».

Я даже куртку сдать в гардероб не успел: там вся школа столпилась – и ученики, и учителя, а врач поторапливал. И я побросал портфель и верхнюю одежду на скамейку, как ошалелый заскочил в кабинет.

Там было темно. Горел лишь монитор компьютера и экран

УЗИ. Я сразу вспомнил прошедший вечер: как я валялся на кровати, пока Ваня создавал сайт. И мне вдруг стало немного стыдно. Совсем чуть-чуть. Ваня так-то сам виноват, что растрепал об утреннем споре Авдеевой. Но не надо было его толкать – это уже перебор. Но Ваня сам спровоцировал! Заикнулся о маме, когда Авдеева рядом. Будто назло.

– Пеленка есть? – спросил врач, садясь за монитор.

Голос у него был пугающий – басистый, глухой. Внешность я как-то не заметил – торопился, и времени разглядывать врача не было. Высокий, темноволосый, с усами. И все, пожалуй.

– Пеленка...? – растерялся я. – Нет. Нам сказали, что выдают.

– А перестраховаться? – спросил врач и, не дожидаясь ответа, сказал: Бери одноразовую, раздевайся по пояс и ложись.

Он достал из общей стопки карточек самую тоненькую, с красным корешком, наспех пролистал ее.

– Почти не болеешь, я смотрю?

– Угу, – промычал я, озираясь по сторонам. – У меня иммунитет хороший...

Я и сам не до конца врубился, что ляпнул. С иммунитетом у меня дела обстоят так себе: каждую весну и осень я подхватываю простуду. Кашель, насморк, температура под 39. Но я к этому быстро привык. И смирился. Да, приятного мало, зато не гастрит и не менингит, как у некоторых особо

«везучих» одноклассников.

Я «по-тяжелому» никогда не болел. Это мамино выражение – «по-тяжелому». Она его сама придумала, когда я жаловался на сильный насморк.

«Ты поправишься, солнышко, потерпи. Многие детки болеют по-тяжелому – им ставят уколы, капельницы. Даже делают операции! А ты у нас крепенький. Тебе повезло», – сказала она.

Мне тогда было двенадцать, и я давно все понимал. И то, что даже самые лучшие доктора и лекарства иногда не в силах побороть болезнь. И то, что простуда – пустяк по сравнению с раком. Ну как после смерти бабушки я мог не понять? А маме все казалось, что я наивный маленький мальчик.

– Коробка с пеленками за кушеткой, на стуле, – подсказал врач.

– Угу.

Я чувствовал себя полным дураком: уже подросток, а пеленку сам найти не могу – подсказывать надо. Стою истуканом и «угукаю». Потому что из башки все нормальные слова вылетели. Только «угу» осталось.

Из-за волнения это все, поведение такое. А как не волноваться, если подгоняют? Да, там в коридоре толпа народу. Да, ждет. Меня ждет. И что теперь? Я же не ракета!

Я аккуратно расстелил пеленку, снял свитер с футболкой, лег. Даже через ткань холодная кушетка неприятно покалывала кожу.

Я не люблю холод. Но родился, как назло, в городе, где зима длится по полгода, а лето заглядывает всего на месяц-два.

– Сердце когда-нибудь болело?

На всех аппаратах УЗИ есть подставки со специальными приборами. Эти приборы врачи мажут гелем и возят по твоему телу, глядя в монитор. И на мониторе видно, здоровый ты или не очень.

– Нет.

– Раньше проверялся?

– Нет.

– Хорошо. Посмотрим тебя трансдюсером, – сказал врач.

Так вот как называется прибор – трансдюсер. Фиг выговоришь!

Я дернулся, словно ужаленный, когда трансдюсер коснулся груди. Ледяной, скользкий...

Зато сердце прикольно шумит. Если это сердце, конечно. Врач двигает трансдюсер вправо-влево, а из монитора доносится что-то вроде «ш-ш-ш-у-х!». И картинка подсвечивается красным. Или синим. Должно быть, кровь. Но почему синяя? Я не знал.

УЗИ длилось долго. Дольше, чем когда мне проверяли почки и щитовидку. Врач просил меня то дышать, то не дышать – прямо как в «Леопольде», то повернуться набок. Я чуть не заснул! Уже глаза закрыл, но тут врач скомандовал:

– Одевайся!

Он что-то писал в моей карточке, периодически поглядыва-

вая на компьютер. Нет бы сказать, все ли нормально, есть ли проблемы – зачем резину тянуть? Все врачи до него мне сразу говорили, что да как.

– Иди на ЭКГ. Третий этаж, тридцать третий кабинет. Заключение тебе принесут.

– На ЭКГ? – удивленно переспросил я, натягивая свитер. – Мне учительница сказала, что к окулисту.

– А пойдешь на ЭКГ, – отрезал врач.

Он даже не смотрел на меня. Но смотрел в монитор, на снимок УЗИ. Так сосредоточенно, будто хотел прожечь экран взглядом.

ЭКГ – что это? Знакомое слово. Ване ЭКГ совсем недавно делали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.